

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ: ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале тамбовских географических объектов)

Данная статья посвящена описанию топонимических изменений, принципам анализа переименований населенных пунктов в одной из центральных областей России – Тамбовской области. Историческая мотивация имени собственного своеобразно преломляется в рационалистическом мышлении советского периода начала XX века. На примере анализа яркого тамбовского топонима ПупКИ иллюстрируются тенденции изменения общественного отношения к топонимам.

Современная лингвистика особое внимание уделяет проблемам описания национальной языковой картины мира. Одним из перспективных направлений исследования русской языковой картины мира является изучение конкретного фактического материала, позволяющего проиллюстрировать, как на базе отдельных фрагментов действительности создаются региональные номинативные единицы, индивидуально-локальные образования, что отражает народное мировидение и познавательные способности сельского жителя.

Ученые-когнитологи подчеркивают важность познания глубинного смысла, осознание которого дает представление о той или иной реалии. Уходят из жизни реалии, уходят и слова, некогда их обозначавшие. Язык живет и изменяется вместе с обществом, но в то же время язык воздействует на общество и подчиняется ему. Среди богатства концептов особое место занимают культурные концепты. Среди культурных концептов особой значимостью обладают те, которые связаны с описанием картины мира и мировоззренческих установок создателей имен собственных.

Анализ материала, извлеченного из ономастического пространства Тамбовской области, показал, что разного рода онимы – личные имена, прозвища, антрополексемы фамильного типа, топонимы, гидронимы – могут дать достаточно широкий круг проблем, решив которые, можно подойти к выяснению того, как отражена в именах собственных языковая картина мира.

В ходе анализа ономастического материала данного региона было выяснено, что речь идет о трех языковых картинах, которые выражаются в трех типах именовании: личное имя, гидроним, топоним.

Языковая картина мира, выраженная личными именами, фамилиями, прозвищами, является собой широкий спектр познания человеком самого себя и себе подобных. Находясь в цент-

ре данной языковой картины мира, человек предстает перед нами в двух ипостасях: имяноситель и имядаритель. Как имяноситель он с трудом поддается анализу, поскольку о нем нет никакой внеязыковой информации, а если она есть, то ее можно считать информацией нелингвистического плана. Как имядаритель он поддается анализу лучше, ибо информация о нем содержится в коннотативном содержании того имени, которое он выбирает и присваивает себе подобному. При возникновении новых объектов или переименовании их проявляется потребность их именовании, при этом человек использует готовые звуковые комплексы, практически не создавая новых. Б.А. Серебренников рассматривает это в ракурсе лингвокреативного мышления, принимающего участие в процессах изменения языка [7, с. 45-46].

Топонимическая лексема – это особое имя собственное, несущее прежде всего национальную информацию. В топониме содержатся сведения о характере способа именовании, то есть место или время, указание, кем была заселена данная местность, кому принадлежала изначально. Региональные топонимические лексемы задают своим носителям определенную картину мира, поскольку, как известно, национальная специфика мышления производна от реальной действительности, заметим, что каждый регион имеет свою определенную картину.

Имя собственное – это древняя константа духовной жизни общества, которая своеобразно преломляется в рационалистическом мышлении человека XX века. Представление о смене имени собственного как способе изменить сущность бытия особенно актуализировалась в отношении топонимов. Полное проникновение в его понимание невозможно без осознания этой единицы, а через нее и понимания того внеязыкового представления, которое оно репрезентирует. Языковое значение топонима следует рассматривать только в аспекте диахронии, когда речь идет о его этимологии. При синхронном

же подходе семантика той или иной топонимической лексемы понятна лишь в речевом употреблении, имя собственное при синхронном подходе обретает лексическое значение только в речи, в контексте речевого окружения и коммуникативной ситуации. Эту же точку зрения высказывают О.И. Фоякова, С.И. Зинин, А.В. Суперанская.

Наличие внутренней формы у многих региональных топонимов со временем утрачивается. Как справедливо подчеркивал Ю.А. Карпенко, наличие внутренней формы только осложняет выполнение именами собственными их основной функции – идентификации и дифференциации.

Некрасивое название, казалось бы, реки ПОГаНКА (река течет в Тамбовском районе, название получила по нечистой воде из-за характера дна и берегов) дало название поселению ПОГаНКИ (это название значится в книге частичной переписи 1710 года). После 1917 года оно было переименовано в село с благозвучным звучанием МАЛиНОВКА.

На первое место в советском топониме выдвигается семантика, которая понятна и осмыслена в стилистическом аспекте. Переименование как сложный лингвокультурный процесс затронуло большинство географических объектов, которые утратили внутреннюю семантику. Стали появляться новые топонимы, производные от общеизвестных лексем: октябрь, май, совет (как олицетворение революции, советской власти, пролетарских праздников). Переименования географических объектов связаны с эпохой изменения общественного сознания и имеют ярко выраженную социальную характеристику. Так, например, за годы советской власти на территории Тамбовской области появилось более 80 селений с названиями типа Первомайское, Советское, Красносвободное, Октябрьское, Доброе Начало, Красный луч, Новая жизнь, Победа, Красная Поляна [4, с. 140], Ленинское – населенный пункт назван по коммуне Ленина.

Начало прошлого столетия (1917-1920 годы) было особым временем, когда активно происходили существенные изменения в лексике имен собственных. Массовые переименования географических объектов происходили по всей России. Не обошли они и территорию Тамбовской области, где также стала формироваться новая концепция советских топонимов. «Поскольку меняются условия социокультурной

жизни (создаются новые предметы и идеи, меняются социальные отношения и т. п.), людям приходится переопределять изменяющиеся элементы своего окружения, перераспределять их места в собственной картине мира, то есть «переоценивать ценности» [1, с. 24].

Тамбовский край на карте русского государства, до заселения русскими, был отмечен как Дикое Поле. Переселенцы оказались оторванными от разных мест и были вынуждены приспособливаться к новым условиям жизни, к новым географическим реалиям. Рождались новые социальные коллективы, новые общины, новые традиции, а вместе с этим неизбежно и новое сознание. Однако прежде чем появилось осознание себя членом нового сообщества, живущего на территории нового региона, нужно было, чтобы прошло какое-то время.

Так, по словарю В.И. Даля слово «пуп» следует понимать как «возвышенность». Ср.: «Всякая выпуклость. Земля пупомъ поднялась, пупомъ вспучило». «Пупъ Земли, по поверью, какое-то средоточие» [3, с. 539]. Словарь М. Фасмера уточняет значение этого слова: «почка, бугор, бугорок».

ПуПКИ – населенный пункт в Сосновском районе области. Три села, которые делятся на Верхние ПуПКИ (ныне с. Советское), Средние (ныне с. Октябрьское) и Малые ПуПКИ (ныне с. Подлесное), были основаны 5 (18) ноября 1639 г.

Свои названия села получили оттого, что здесь по реке Челновой начиная с XIV в. проходила «сторожевая стежка», по которой патрулировали «конные воинские люди», наблюдавшие за появлением татарских войск. О результатах эти люди доносили в города Шацк, Рязань и Москву. Сторожевая служба продолжалась 70 лет, вплоть до царствования Петра I, который принял более эффективные меры, построив крепость Азов.

Села Верхние, Средние, Нижние ПуПКИ свои первоначальные названия получили, таким образом, от сторожевой линии, стежки, на которой и были построены. Конный патруль на возвышенных местах делал остановки для варки каши. Чтобы быть не замеченным врагом, патруль обязан был делать остановки для приготовления пищи всякий раз в разных местах. Такие места назывались ПуПКАМИ: от пуп – «высота» (тамбовское).

Конец сторожевой стежки был на том месте, где образовалось село Стежки. Впервые опи-

сано в 1650-1652 гг. В переписи 1639 года село называлось «деревня Стежки на сторожевой стежке». Отметим попутно, что до сих пор существует районный центр Умет, название которого восходит к слову «умЕт» – «сторожевой приютъ (пост) со рвомъ, валомъ» [3, т. 4, с. 493]. Сохранилось и название топонима КАРАУЛ в Инжавинском районе, восходящее к своему первоначальному названию: караул – «пост, служащий как для охраны, так и для предотвращения внезапности нападения». (Караул – родина видного государственного деятеля, наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина.)

В 1639 году на карте Тамбовского края появились три села с общим словом ПуПКИ. Все три дифференциала «верхний – средний – нижний» существуют в общерусской ономастической традиции и не противоречат «обычной топонимической закономерности», по которой наименование с определением верхний или нижний или с формантами верхне-, верхо- или нижне- и т. д. дается населенному пункту на побережье той или иной реки тогда, когда этот пункт возник в дополнение к какому-либо уже существующему выше или ниже по этой же реке и принимает на себя полностью или частично те или иные его функции» [6, с. 141].

Села Верхние, Средние и Малые ПуПКИ для современных жителей в связи с утратой и уходом в прошлое как исторической их значимости для региона, так и самого слова ПуПКИ, которое было переосмыслено в связи с переносом ударения, стали мыслиться как села с сильно выраженной негативной оценкой. Они все были переименованы в Советское, Октябрьское и Подлесное.

Таким образом, апеллятив становится именем собственным, что в общем-то не противоречит тому принципу, о котором пишет М. Войтович: «В сфере языковой номинации исполь-

зуются лексические единицы двух автономных в синхронном отношении планов: апеллятивы и имена собственные. С исторической точки зрения апеллятивы образуют первичный лексический пласт, имена собственные – вторичный. Оба лексических пласта характеризуются диффузностью, о чем свидетельствует, между прочим, апеллятивация имен собственных...» [2, с. 11].

Отнюдь не из приятных названия деревни ДуРОВКА в Петровском районе (название получила от имени помещицы Марии Дуровой, которой принадлежала деревня) и деревни Дуровщина в Ржаксинском районе (название восходит к имени владельца капитана Александра Лукьяновича Дурова). Однако эти топонимы существуют до сих пор.

После Октябрьской революции, как отмечается у многих лингвистов, занимавшихся проблемами топонимики, наименования появляющихся новых населенных пунктов не только стали тяготеть к реалиям нового мира. Экспрессивность стала преобладать над другими эмоциями. Желание жить новой жизнью, желание жить в поселках с красивыми, эстетичными названиями стало преобладающим принципом. Многие населенные пункты, имеющие пейоративный, негативный смысл, стали переименовываться. И село Поганка превратилось в Малиновку, а села со словом ПуПКИ, фонетически совпавшим с неблагозвучным словом ПУПКи, переименовались.

При создании топонимов могут сталкиваться индивидуальное сознание и сознание коллективное, т. е. сознание членов того коллектива, который объединяется в то человеческое сообщество, которое живет на одном и том же участке земли. Как и в случае с антропонимами, в топонимии очень силен социальный элемент, который порой оказывается решающим при выборе того или иного названия.

Список использованной литературы:

1. Арнольдов А.И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии (вместо введения) // Культура, человек и картина мира. – М: Наука, 1987.
2. Войтович М. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь. – Познань, 1986.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. – М., 1990.
4. Муравьев Н.В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. – Воронеж, 1988.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.
6. Русинов Н.Д. Нижний Новгород // Русская ономастика и ономастика России. – М., 1994.
7. Селиванова Е.А. Когнитивная ономастиология. – Киев, 2002.
8. Сулеранская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.